

Интерфейс в WeChat показывал... мини-игру «Прыг-скок»?

— Ты что, в это залипал? — спросил Е Мянь.

Чэн Лян кивнул:

— Ага. Сто лет не играл, решил вспомнить старое, но, похоже, совсем раком стал — даже сотню набрать не могу. — Он лениво потянулся.

— Ну, тут ты реально нуб, — хмыкнул Е Мянь.

Он сам запускал эту игрушку от силы пару раз на зимних каникулах.

Тогда делать дома одному было абсолютно нечего, гулять не хотелось — улицы ломились от праздничных фонарей и суеты, и эта предновогодняя кутерьма лишь острее напоминала о его одиночестве. Вот он и торчал в четырёх стенах, пачками скачивая мелкие таймкиллеры. Как раз тогда этот «Прыг-скок» только появился и вирусился из каждого утюга.

Если не считать «Морковной фэнтези», эта игра была единственным способом хоть как-то убить время.

Тогда вся его френдлента пестрила рекордами, а в групповых чатах то и дело всплывали ссылки на микропрограммы. Е Мянь поддался общему безумию и сыграл несколько раз. Честно говоря, ничего сложного: за пару попыток он легко набрал больше восьмисот очков.

Слово за слово, и они сами не заметили, как устроили дуэль.

Игра началась. Стоит признать, Чэн Ляну дико везло — ему то и дело выпадали то бонусные коробки с кучей очков, то широкие, на которые легко приземлиться.

У Е Мяня всё шло наперекосяк: никаких бонусов, и даже когда у обоих появлялась одинаковая коробка- «супермаркет», Чэн Лян получал за неё тридцать очков, а тот — жалкие пять.

Сделав очередной прыжок, Чэн Лян покосился на экран соседа. Какого чёрта тот его обгоняет?

Ещё секунду назад Чэн Лян опережал Е Мяня на тридцать очков, а теперь парень уже вырвался вперёд на десятку.

Возможно, из-за азарта соперничества Чэн Лян наконец-то перевалил за сотню, и оба теперь уверенно приближались к двумстам очкам.

Но стоило Чэн Ляну подобраться к заветной цифре, как он передержал палец на экране буквально на долю секунды. Фигурка покачнулась на самом краю платформы, зависла на мгновение и рухнула вниз.

— Сто девяносто восемь... Новый рекорд, — выдохнул он. Чуть-чуть не хватило!

Отложив телефон, он всем корпусом развернулся к Е Мянью.

На этот раз он не просто вытянул шею, как делал до этого Е Мянью. Чэн Лян навалился на него всем телом, закинув руку на спинку его стула. Он придвинулся вплотную, непринуждённо пристроив подбородок прямо на плечо парню, и даже пододвинул свой стул ближе.

— Как у тебя уже четыреста?

Они ведь начали одновременно. Даже если Чэн Лян слился, у Е Мян्या должно было быть от силы триста очков.

От неожиданности Е Мянью вздрогнул. Сила нажатия сбилась, фигурка рухнула. Ошарашенный парень резко повернул голову, собираясь спросить, в чём дело, но не рассчитал расстояние. Они со всего размаху столкнулись лицами, ощутимо стукнувшись лбами.

Он почувствовал горячее дыхание у уха, по коже пробежали мурашки.

— Слышь, ты нормальный вообще? Какого хера так близко лезть?

Е Мянью откинулся назад и упёрся ладонью в грудь соседа, отпихивая его от себя.

— Тихо ты, — буркнул Е Мянью, потирая ушибленный лоб и горящее ухо. — Хоть бы предупредил, напугал до смерти.

В следующую секунду он с силой пнул стул Чэн Ляна.

Стул с оглушительным грохотом отлетел назад. Этот звук мгновенно выдернул из полудрёмы половину класса — даже те, кто спал лицом в парту, испуганно подскочили.

Сонные одноклассники недоумённо уставились в задний угол кабинета: что там опять стряслось?

Чэн Лян, потирая колено, тихо спросил:

— Сильно ушибся?

— А сам как думаешь? Совсем не почувствовал? — злобно прошипел Е Мянью. Он повернулся слишком резко и влетел в Чэн Ляна на полной скорости.

— Да вроде не больно. Даже приятно... Брат Мянью, может, у тебя просто чувствительность повышенная?

Е Мянью лишь презрительно фыркнул.

— Раз так болит, давай помну, — заговорщически подмигнул Чэн Лян.

Пользуясь тем, что учитель математики увлечённо расписывал формулы на доске, Чэн Лян нагло поднялся с места. Зажав Е Мянью в углу у стены, он упёрся коленом ему в бедро и бесцеремонно запустил пятерню в его волосы, массируя ушибленное место:

— Вот тут прилетело? Сейчас разомну, и всё пройдёт. Чего ты так на меня смотришь? Думаешь, я буду ныть, чтобы ты мне тоже потёр? Не дождёшься. Мужики такую херню не замечают.

Задние парты продолжали издавать подозрительный шорох и стук. Математик долго терпел, упрямо выводя решение задачи, но последний грохот переполнил чашу его терпения. Весь класс обернулся назад. Игнорировать это было уже невозможно.

— А ну пошли вон отсюда оба! — рявкнул учитель, швырнув мел на кафедру. — Вы что, думаете, меня тут нет? Я закрывал глаза раз, закрывал два, но вы меня вообще за пустое место держите! Посмотрите на себя — на кого вы похожи? Устроили тут махач посреди урока! Драться хотите? На выход! Идите машите кулаками у Лао Чжана в кабинете или в кабинет декана по учебной работе к Ли топайте! Совсем страх потеряли, оборзели в край! Второй день учёбы, а вы дрыхнете как свиньи! И не надо мне тут втирать, что всю ночь за учебниками сидели! Знаю я, чем вы по ночам занимаетесь! Второй год старшей школы, а ума как у ракушек, ни стыда ни совести... Эй, вы двое на галёрке! Мне что, реально вашего классного вызывать? Я кому сказал — вон из класса! На коридор, живо!

— Блядь, — процедил Е Мянью, со стуком поставил стул на место, сгрёб со стола телефон и пулей вылетел за дверь.

Какое-то время он стоял в коридоре, глядя в окно на школьный двор. Чэн Лян вышел следом и молча пристроился рядом. Е Мянью тут же развернулся и зашагал прочь. На этот раз преследовать его никто не стал.

Спустившись по лестнице, Е Мянью направился напрямик к трибунам стадиона.

Внутри всё клокотало от ярости. Он прекрасно понимал, что этот взрыв — не просто минутная вспышка дурного характера. В груди ворочалось какое-то странное, липкое чувство, которое

никак не давало покоя.

Его всё бесило. Ему просто жизненно необходимо было побыть одному, подальше от Чэн Ляна.

Стоило только подумать об этом парне, как к горлу подкатывала волна глухого раздражения.

Особенно бесило то, как Чэн Лян с абсолютно невозмутимым видом постоянно позволял себе эти двусмысленные, личные жесты. От этих прикосновений внутри всё переворачивалось. И ладно бы они вызывали у него отвращение — нет, в том-то и дело, что отвращения не было. Именно эта позорная слабость и бесила его сильнее всего. Дикое, невыносимое противоречие.

Хотелось как-то выплеснуть это напряжение. Е Мянъ выудил из кармана пачку сигарет. На трибунах не было ни души — идеальная тишина.

Он щёлкнул зажигалкой, затянулся... и тут же судорожно закашлялся. Слишком поспешно вдохнул горький дым, аж лёгкие обожгло.

«Разучился, что ли?» — зло подумал он.

Раздражённо затушив окурок о бетонную ступеньку, Е Мянъ отбросил его в сторону:

— Дерьмо какое-то. Палёные они, что ли?

На беговой дорожке тренировались несколько спортсменов.

Над стадионом разнёсся резкий свист судейского свистка. Е Мянъ невольно повернул голову на звук.

Ну конечно. Кто бы сомневался.

Е Мянъ откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Этот парень преследовал его повсюду. Ему было плевать, Е Мянъ в хорошем настроении или исходит злостью.

Чэн Лян абсолютно не умел читать намёки. Они только что чуть не разнесли класс, а он как ни в чём не бывало припёрся следом.

Е Мянъ поднялся и медленно стал спускаться по бетонным ступеням трибун. У самого края их разделяла лишь двухметровая металлическая сетка ограждения.

— Спускайся, побегаем! — крикнул снизу Чэн Лян.

Е Мянью хватился руками за поручни, одним махом перемахнул через забор и прыгнул вниз.

Чэн Лян на секунду опешил, но тут же рефлекторно раскрыл руки, ловя его.

Парень врезался в него. По инерции они отлетели назад на пару метров, но Чэн Лян удержал равновесие, крепко прижав его к себе.

— Чэн Лян, ты конченный ублюдок, — зло прошептал Е Мянью прямо ему в ухо. И прежде чем тот успел прийти в себя, добавил едва слышно: — Я так хочу тебе врезать.

Чэн Лян моргнул, приходя в себя, сделал шаг назад и медленно опустил руки. Он встал перед парнем, зажмурился и подставил лицо солнцу:

— Бей.

В ярких лучах его резкие, холодные черты лица казались мягче. На губах играла слабая, едва заметная улыбка — он словно чего-то ждал.

Е Мянью помедлил несколько секунд, беспрепятственно разглядывая лицо напротив.

А потом сделал шаг вперёд и крепко, изо всех сил обнял Чэн Ляна. Сердце подсказало, что сейчас нужно сделать именно это.

— Чэн Лян... Кто ты вообще такой? — глухо спросил он.

Этот вопрос давно не давал ему покоя. Всё ведь началось с того, что он просто спас парня от взбучки. Но с тех пор тот прилип к нему как банный лист, и отделаться от него было невозможно. Е Мянью понимал, что Чэн Лян не замышляет ничего плохого. Но в то же время... за всем этим явно крылось что-то большее.

— Давай бежать, — Е Мянью разорвал объятия и отступил на шаг. — Я первый, ты догоняешь.

Не дожидаясь ответа, он рванул с места, обдав Чэн Ляна прохладным потоком воздуха.

Они бежали круг за кругом. Е Мянью сначала держался впереди, а Чэн Лян следовал за ним на некотором расстоянии. На втором круге Е Мянью сбавил темп, позволяя Чэн Ляну поравняться с ним. Теперь они бежали бок о бок по соседним дорожкам, разделенные парой метров.

Они бежали молча, мерно дыша в такт шагам. На третьем или четвёртом круге оба наконец остановились у финишной черты. Чэн Лян, проявив тактическую хитрость, успел пересечь линию на полшага раньше. Он резко развернулся лицом к Е Мянью, тяжело дыша:

— Ну что... всё ещё хочешь мне врезать? Даже если и хочешь, сил у тебя уже не осталось. Упадёшь без чувств раньше, чем кулак долетит, — самодовольно ухмыльнулся он, вскинув брови.

Это был его план — вытащить парня на дорожку, выжать из него все силы, чтобы вместе с физической усталостью ушла и вся дурная злость.

В движении мысли проясняются быстрее. Чэн Лян хотел, чтобы Е Мяннь постепенно, шаг за шагом, сам всё понял. И сам сделал шаг ему навстречу.

— Хочешь проверить? — Е Мяннь резко сократил дистанцию и мёртвой хваткой вцепился в воротник его футболки. Лицо его оставалось абсолютно непроницаемым.

Выглядел он в этот момент действительно угрожающе. Сил у него, может, и поубавилось, но уязвлённая гордость требовала доказать, что уложить этого наглеца он сможет в любом состоянии.

— Воу, Брат Мяннь, ты серьёзно? Неужели ты настолько безжалостен, что готов растоптать нашу братскую связь?

— Какую ещё связь?

— Ну... хотя бы соседскую? По парте.

— Бездушная херня, которой от силы два дня от роду? — Е Мяннь посмотрел на него так, будто Чэн Лян только что сморозил величайшую глупость в своей жизни.

Чэн Лян упрямо кивнул:

— Всё равно связь. Но...

Договорить он не успел. Чэн Лян резко перехватил его руку и техничным приёмом швырнул через бедро.

Пластиковое покрытие беговой дорожки было мягким, но удар об землю всё равно вышел чувствительным — при таком броске траекторию особо не смягчишь.

Е Мяннь даже сообразить ничего не успел, как оказался на лопатках. В следующую секунду Чэн Лян уже навалился сверху, прижав его колени своими бёдрами и намертво зафиксировав его запястья у головы.

— Ну так что, есть связь или нет? — с вызовом спросил он, глядя сверху вниз.

Е Мянй пришёл в себя и дёрнулся, пытаясь высвободиться, но этот гад вцепился в него мёртвой хваткой. С силой у него всегда был полный порядок.

— Пошёл ты нахер со своей связью! Слезь с меня, живо! — яростно зашипел Е Мянй. Сквозь тонкую ткань футболки спиной он чувствовал каждую песчинку на дорожке, и это было чертовски неприятно.

Он никак не ожидал от Чэн Ляна такой подлянки. Этот тяжеленный придурок придавил его так, что не вздохнуть, не повернуться.

— Не слезу, пока не признаешь. Столько времени прошло, а ты говоришь «нет никакой связи». Ты мне сердце разбиваешь, Брат Мянй.

— Да плевать мне на твоё сердце! — Е Мянй резко выгнулся всем телом, вложив в это движение остатки сил, и сумел-таки перевернуть навалившегося на него парня.

Они кубарем покатались по дорожке и вылетели на зелёный газон футбольного поля. Теперь уже Е Мянй сидел сверху, зажав бёдра Чэн Ляна своими коленями и прижимая его руки к траве:

— Чэн Лян, ты сейчас у меня допиздишься!

Лежащий под ним парень лишь нагло ухмыльнулся, приподнимая голову:

— Так есть связь или нет?

Поскольку руки и ноги были заняты, Е Мянй не нашёл ничего лучше, как с силой боднуть его лбом в лоб.

Бам!

От удара они снова потеряли равновесие, покатались по траве и замерли. Чэн Лян опять оказался сверху.

— Брат Мянй, не дергайся, — вдруг изменившимся голосом произнёс он.

— Это ещё почему? С какого хера я должен лежать смирно?

— Подожди... Тут реально серьёзная проблема.

Чэн Лян поморщился от боли.

Е Мянью замер. Что случилось? Он ведь даже ударить его толком не успел, почему ему так хреново?

И тут до него дошло. Вчера на физре Чэн Лян потянул ногу, а сегодня мало того что пробежал пару километров, так ещё и на земле валялся. Было бы странно, если бы она не заболела.

Не желая пользоваться чужой слабостью, Е Мянью уже собрался спихнуть его и подняться, как вдруг Чэн Лян сипло выдавил:

— Брат Мянью... Ты мне яйца отдал.

Е Мянью застыл. Смысл слов дошёл до него не сразу. Но когда он опустил взгляд туда, где сидел на бёдрах парня, в голове на мгновение воцарилась звенящая пустота. Он в ужасе уставился на Чэна Ляна:

— Ох бя-а-а-дь!

Чэн Лян со стоном приподнялся и демонстративно поправил штаны:

— Брат Мянью, ну и рожа у тебя. Ты мне всё хозяйство прижал... А я им, между прочим, даже воспользоваться толком не успел.

— Хе, сам виноват, — нервно огрызнулся Е Мянью.

— Ладно-ладно, сочтёмся позже.

Чэн Лян поднялся, отряхнул налипшую траву и протянул Е Мянью руку:

— Ну так что, мир? Как друзья.

Е Мянью молча смотрел на его ладонь несколько секунд. Затем вздохнул, вложил свою руку в его пальцы и позволил себя поднять:

— Мир.

— Тогда пошли в буфет.

Они купили по простому копеечному мороженому на палочке. Раньше это был обычный

замороженный подслащённый лёд, но теперь рецептуру изменили — добавили сладкую красную фасоль, и вкус стал гораздо лучше.

— Держи, — Чэн Лян протянул ему одно мороженое. — Моё любимое лакомство из детства.

Они устроились на бетонных ступеньках у входа в школьный магазинчик. Е Мянй поставил бутылку воды у ног и положил телефон на колени.

Чэн Лян уселся рядом, с аппетитом грызя лёд. Раз уж они официально стали друзьями, он по-свойски закинул руку Е Мянью на плечо — его излюбленный жест.

— Во что играешь? — Он бесцеремонно заглянул в экран соседа. — Опять прыгаешь? И даже не позвал? — Он тут же достал собственный мобильник.

Запустив игру, Чэн Лян глянул на счёт Е Мянй и присвистнул:

— Ого, ну у тебя и цифры. Слушай, а как ты это делаешь?

— Что именно?

— Как ты умудряешься набирать столько очков?

Ему самому с его везением на бонусные коробки никак не удавалось догнать соседа. Это казалось несправедливым.

— Да тут нет никакого секрета, — хмыкнул Е Мянй. — Просто ты рукожоп.

Е Мянй методично нажимал на экран. Чэн Лян внимательно наблюдал за его игрой, решив во что бы то ни стало разгадать этот секрет.

И вскоре заметил одну деталь. Оказалось, фигурка под управлением Е Мянй каждый раз приземлялась идеально в самый центр коробки. С каждым точным попаданием множитель очков рос в геометрической прогрессии. Вот почему ему даже не требовались бонусные платформы — десятка точных попаданий подряд хватало с лихвой.

Но для этого нужна была филигранная точность.

Чэн Лян принялся усердно тренироваться, пытаясь попадать строго по центру.

Сто и девяносто семь... Опять сорвался. Следующая попытка — сто девяносто девять. Буквально один шаг до заветных двух сотен! Но стоило Чэн Ляну приблизиться к рекорду, как

срабатывал психологический барьер: он начинал излишне осторожничать, пальцы цепенели, и он снова лажал. Сто девяносто восемь... Вечно не хватает какой-то малости.

— Да как так-то... — проворчал он и снова скосил глаза на экран соседа.

Тем временем у Е Мян уже красовалось больше семисот очков. Невероятно. Разве обычный человек способен на такое?

Чэн Лян молча наблюдал за чужой игрой, но постепенно его внимание переключилось на губы Е Мян. Тот играл, лениво покусывая подтаивающее мороженое.

После каждого укуса его губы блестели, словно покрытые тонким слоем влажного бальзама.

У Е Мян не было тонких, сухих губ. Они были аккуратными, пухлыми, ярко-алыми, с чётко очерченной выпуклой капелькой посреди верхней губы.

Когда он смыкал губы, этот нежный бугорок мягко пружинил.

Чэн Лян давно доел своё мороженое, лениво вертя в пальцах пустую деревянную палочку. Он перевёл взгляд на неё — кончик был изгрызен в щепки. Интересно, у Е Мян тоже есть эта детская привычка грызть палочки?

Не в силах оторвать глаз от этих влажных губ, Чэн Лян сжал деревяшку с такой силой, что она с хрустом переломилась пополам.

Он судорожно сглотнул. Во рту до сих пор стоял холодный сладкий привкус, но горло почему-то пересохло. Внутри всё буквально горело от жажды.

Он медленно протянул руку и осторожно, едва касаясь, провёл подушечкой большого пальца по мягкой, влажной капельке на верхней губе Е Мян, слегка надавливая вниз.

<http://bllate.org/book/18333/1865576>